

Джон НОЙМАЙЕР:

Известия, - 2001, - 25 апр.
- с. 10

Я восхищаюсь Чеховым

Легенда современной хореографии, бессменный руководитель Гамбургского театра балета Джон Ноймайер приехал в Петербург, чтобы с труппой Мариинского театра поставить три своих спектакля. Два из них — «Now and Then» («Теперь и тогда») на музыку Равеля и «Spring and Faal» («Весна и осень») на музыку Дворжачака — уже танцуют на многих сценах мира. Третий хореографический спектакль «Звуки пустых страниц», посвященный Альфреду Шнитке, Ноймайер создал специально для Мариинского театра. Петербургская публика увидит постановки 29 и 30 апреля, а пока в Мариинке идет напряженная работа. Сольные партии репетируют звезды — Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева, Жанна Аюпова, Фарух Рузиматов, Андриан Фадеев...

— Я приехал в Петербург, зная, что здесь работают прекрасные профессионалы. Но тревожился, смогут ли они принять ту специфическую пластику, в которой я работаю. Мне нужно было полное взаимопонимание — «рабы» мне были не нужны. Вообще контакт с артистами для меня, хотя это, может быть, и странно, существенно важнее, нежели контакт с публикой. Теперь я в общем спокоен — очень тяжелые, насыщенные эмоционально и физически репетиции показали, что труппа Мариинского театра готова к диалогу. Молодые танцоры — а их здесь подавляющее большинство — открыты и восприимчивы.

— Были ли на репетициях случаи, когда вы меняли какие-то детали «в угоду» танцорам, их импровизации?

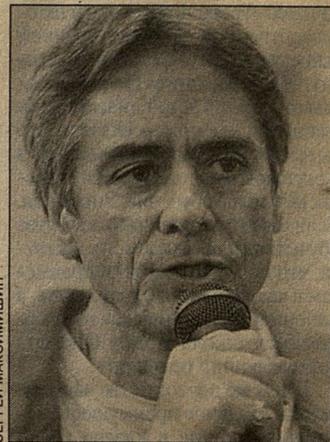
— Да. За исполнителями Мариинского театра очень интересно наблюдать, и некоторые вещи показались мне нужными — они останутся в петербургской версии балетов. Замечательно, что общение с труппой приносит такие результаты — это главная характеристика взаимопонимания.

— Есть точка зрения, что всемирно известная русская хореографическая школа несколько устарела, она слишком академична. Вы согласны?

— Вы знаете, любая школа существует только тогда, когда она развивается. И теперь я знаю, что русская балетная школа, которой Россия имеет все основания гордиться, готова к этому развитию. Ведь я работаю здесь с выпускниками Академии имени Вагановой — носителями этой великолепной традиции. Еще раз хочу сказать, что молодые танцоры, имеющие фундаментальную базу, оказались очень восприимчивыми.

— Что для вас самое трудное в работе в Петербурге?

— Есть вещи, которые трудно объяснить словами: их можно только показать, что я и делал. Но мне не нужны были «копии» моих движений — я хотел видеть творчество. Я говорил танцорам: «Продолжайте, движениям предела нет, не ставьте им границы». Мне не нравится, когда видны этапы движений. И это совершенно естественно — ведь вы должны слушать музыку, а не отдельные ноты. Так и в моих симфонических балетах. Они ведь не абстрактны — это, скорее, воспроизведение эмоций и ощущений, образов, навеянных музыкой.

СЕРГЕЙ МАКСИМИШИН

— Насколько я знаю, во время репетиций вы апеллировали к Достоевскому и Блоку. Увлекаетесь русской литературой?

— Люблю читать. Естественно, Достоевский и Блок не могут не «задеть» сознание. Кстати, Блока я открыл для себя благодаря Наталье Макаровой, великой русской балерине: Блок — ее любимый поэт. Мне же, пожалуй, из русских классиков ближе всего Чехов. Я восхищаюсь его горькой иронией.

— Собираетесь ставить Чехова?

— Да, в ближайших планах Гамбургского балета — «Чайка».

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург